

*ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВОДКИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ  
ТРОЕК ПЕТРОГРАДА В 1921 г.*

Политические сводки, составленные различными городскими партийными и государственными органами в феврале—марте 1921 г., сильно отличались и по структуре, и по содержанию, и по стилю. Термин «сводка» употреблялся для обозначения отчетов о настроениях масс чаще прочих, но не был единственным. «Бюллетень», «сведения», «доклад» — эти и другие заголовки можно иногда встретить, знакомясь с отчетной документацией ведомств, собиравших информацию о положении в городе во время событий зимы—весны 1921 г. Едва ли это только следствие небрежности составителя или знак отсутствия единой инструкции по сбору сведений. В ряде случаев своеобразные заголовки отчетов возникли как отражения своеобразия самого документа. Так, заголовок одного из документов — «оперативная сводка» — довольно редкий в ряду других сводок — возможно, был обусловлен тем, что здесь собирались данные, немаловажные для оценки прочности тыловых районов в условиях возможного военного столкновения. Термин «бюллетень» мог возникнуть не только как отражение канцелярской традиции, но и как свидетельство о регулярности составления сводок. Примечательно, что в тогдашних отчетах ревтройки Петроградского района (именно здесь употреблялся термин «бюллетень») названия отчетов не были устойчивы — «бюллетень» сменяется «сводкой», но в последующие дни составители снова возвращались к прежнему титулу документа, а затем у последнего появлялся новый заголовок: «Сводка информационного отдела при ревтройке Петроградского района». Не исключено, что именно этим отделом и составлялся прежде отчет о событиях в Петроградском районе — и метаморфозы заголовков отражали лишь уточнение авторства документа. Заголовки «сведения», данный сводке коллектива РКП(б) 3-й

государственной электростанции<sup>92</sup>, возможно, был определен тем, что здесь не осуществлялось компилирование разрозненных сообщений из многих предприятий и учреждений (что и считалось собственно сводкой, «сводом»), а давалось лишь описание одного сюжета — отношения рабочих к Кронштадтскому восстанию, причем не в течение одного дня (как в сводках), а почти за двухнедельный период.

Документация февраля—марта 1921 г. в целом позволяет достаточно отчетливо выявить авторство, периодичность, иерархию и механику составления политических сводок. Массовые забастовки на петроградских предприятиях, начавшиеся с конца февраля 1921 г., а затем Кронштадтское восстание, вспыхнувшее в непосредственной близости от города, потребовали быстрого, четкого и подробного информирования структур власти о настроениях рабочих и других социальных слоев. Сыграли свою роль и слухи о возможном восстании в городе, и желание предотвратить социальный взрыв на фабриках и заводах, и стремление яснее обозначить те превентивные меры, которые нужны были для локализации кронштадтцев. С середины февраля 1921 г., когда уже проявились зримо симптомы будущих выступлений рабочих, в городе достаточно быстро создается (как обычно прежде в иных сложных военно-политических ситуациях) разветвленная система сбора информации, охватывающая и отдельные предприятия (и даже цеха) и целые районы. Она, хотя и с перебоями, фактически функционировала до конца марта 1921 г., когда было снято в Петрограде военное положение и упразднены чрезвычайные структуры власти — ревтройки — чьи сводки и рассматриваются в данной работе.

Ревтройки — революционные тройки — были созданы в условиях осадного положения как на многих предприятиях, так и почти во всех городских районах. Они включали в себя руководителей администрации, партийных комитетов, военных, комсомольских и профсоюзных органов. Сводки районных ревтроек — наиболее полные из отчетных документов тех дней. Они не только фиксируют сведения о предприятиях и отдельных их цехах, но и рассказывают даже о поведении того или иного человека. Несомненно, источником для районных сводок

---

<sup>92</sup> «Сведения об отношении к Кронштадтским событиям рабочих 3-[й] Государственной электростанции». Март 1921 г.: ЦГАИПД. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 111.

служили сообщения с мест, преимущественно из различных фабрик, заводов и учреждений. В текстах районных сводок, однако, трудно выявить пласты сводок низовых, прежде всего ввиду малочисленности последних в фондах архивов. Низовые сводки не были унифицированы и различия в их оформлении и стиле особенно заметны. Попытки упорядочить низовые сообщения, правда, предпринимались верхними структурами, отчасти возможно и потому, что последним нужны были конкретные, четкие сведения по определенным, интересующим их вопросам, а не общие и аморфные впечатления информаторов. Среди документов можно найти несколько низовых отчетов, либо составленных на анкетных бланках, либо явно следующих анкетной схеме. Сами анкеты, возможно, представляли собой импровизацию районных структур, поскольку в разных районах они отличались и по содержанию и по числу вопросных пунктов. Им присущ ряд особенностей, характерных для импровизированных текстов: синтаксические отклонения, повтор некоторых пунктов, просторечие. Самой подробной являлась анкета, рассылавшаяся ревтройкой Василеостровского района.<sup>93</sup> Она содержала девять пунктов: «1) Какое настроение на заводе или фабрике 2) во всех ли цехах работают 3) Волнующие вопросы рабочих 4) Идут ли работы 5) Какие возгласы бывают 6) Как ведут себя коммунисты 7) Как ведут себя члены Союза молодежи 8) Как ведут себя члены женской секции 9) Фамилия и имя крикунов». В 1-м Городском районе в середине марта 1921 г. почти одновременно рассылались несколько анкет, которые, хотя и содержали вопросы о настроениях рабочих и их отношении к Кронштадтскому восстанию, но все же не были одинаковыми. Общая примета всех анкет — это фиксация прежде всего тех вопросов, решение которых имело большое значение для разрядки напряженности в городе. Так, в анкете, присланной в 5-ю государственную типографию в середине марта 1921 г.,<sup>94</sup> значились и такие вопросы: «Какие требования и желания есть среди рабочих», «Есть ли какие-нибудь местные, хозяйственные, продовольственные, технические или административные недочеты, могущие создать недовольство». Ответы на вопросы, как правило, бывали очень краткими (иногда одно-два слова),

<sup>93</sup> Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 315. Л. 66.

<sup>94</sup> Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 110 (Политсводка 5-й Государственной типографии 17 марта 1921 г.).

что отчасти, возможно, связано с попытками информаторов поместить ответы только в рамках анкетной графы на бланке.

Анкетная форма не была доминирующей в сводках низовых организаций. Можно предположить, что она не очень-то подходила для передачи информации о бастующих предприятиях, содержавшей подробности, которые нельзя было предугадать в вопроснике. Наряду с анкетами можно обнаружить и другие низовые сводки, где или говорится лишь об одном происшествии, либо сообщаются ответы только на те из вопросов, которые могли интересовать составителей районных сводок. Если мы внимательно проанализируем райсводки, то увидим, что здесь освещены и те вопросы, которые не ставились в анкетах. Не исключено, поэтому, что райсводки могли быть созданы на основе какой-то другой отчетности, возможно, переданной в неунифицированных формах.

О степени регулярности предоставления низовых сводок говорить трудно. Районные сводки, компилировавшие сводки низовые, составлялись обычно не менее одного раза в день. Не исключено, что часть информации могла быть сообщена руководству района устно или по телефону. Так, сводка хлебозавода № 4, подготовленная 2 марта 1921 г.,<sup>95</sup> охватывает события нескольких дней (если принять во внимание фразу: «завод не бастовал ни одного дня») и в целом является очень кратким и неконкретным отчетом о положении на предприятии. Сведения о политических выступлениях, столь интересовавшие составителей райсводок, здесь нередко отсутствовали. Во всяком случае, в районных сводках часто можно встретить пометы: «на остальных предприятиях без изменений», «в остальном без изменений» и т. д. Исходя из этого, можно предположить, что в ряде случаев низовые сводки ежедневно предоставлялись только в условиях затяжного конфликта, возникшего на предприятии.

Как правило, низовые сводки подписывались председателем ревтройки фабрики или завода или только организатором местного коллектива РКП(б) (который зачастую и являлся членом ревтройки). В сводках условно можно выделить «открытую» информацию (сведения о событиях на предприятии, ставших известными всем работающим здесь), и информацию «закрытую» — о «подозрительных» лицах, о деятельности эсе-

---

<sup>95</sup> Сводка ревтройки хлебозавода № 4 2 марта 1921 г.: Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 315. Л. 72.

ров и меньшевиков, об оппозиционной агитации. Источником их сообщений в данном случае могли быть или коммунисты, или другие доверенные лица информаторов. В текстах сводок очень трудно уловить намеки на круг осведомителей. Обилие «общих впечатлений», которое было присуще многим сводкам, вызывает предположение, что обстановка нередко оценивалась как бы «на глазок», без использования приемов конспирации. Фиксировалось прежде всего наличие или отсутствие именно публичного вызова — возможно, это и было регистром оценки спокойствия на предприятии.

Районные политические сводки обычно подписывались председателем районной революционной тройки или лицом, уполномоченным им.<sup>96</sup> Райсводки являлись итогом обработки данных, полученных из предприятий, и имели отпечаток своеобразной «писательской» манеры того или иного составителя. Это видно, когда сравниваешь сводки нескольких районов. В ряде случаев заметно, что составителей сводок в разных районах интересовал и разный круг вопросов. Так, сводки Василеостровской и Петроградской ревтроек отличались прежде всего тем, что в последней из них обязательно содержались сведения об охране на предприятиях, что редко привлекало внимание василеостровцев. В петроградских райсводках более подробно рассказывается об отношении рабочих к коммунистам и заводским комитетам, о наличии «контрреволюционной» литературы. В целом сводка Петроградской ревтройки обычно бывала более подробной, чем сводка Василеостровской ревтройки, хотя именно Васильевский остров являлся главным очагом стачек. Примечательно и то, что политические конфликты или социальные взрывы на предприятиях зачастую мало влияли на полноту изложения этих событий в сводках. В сводке Петроградской ревтройки 1 марта 1921 г.<sup>97</sup> о происшествиях на фабриках и заводах говорилось с разной степенью полноты — где-то одной строчкой, где-то более подробно — но не очень заметно, чтобы эта подробность диктовалась осложнением ситуации на предприятии или его значительностью. Нередко подробность районных сводок зависела от того, сколь обширными были сообщения низовых структур, сколь тщательно и педантично осу-

---

<sup>96</sup> Так, сводки Петроградской районной ревтройки подписывались председателем «информационного отдела».

<sup>97</sup> ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1226. Л. 29—29 об.

ществили последние сбор информации: о мощной стачке могло быть сказано всего несколько слов, но зато скрупулезно перечислялись мельчайшие и малозначительные детали происшествий на вполне «благонадежных» предприятиях.

После объявления военного положения в Петрограде 24 февраля 1921 г. районные сводки составлялись один раз в день, но с 3 марта 1921 г. (тогда в связи с началом кронштадтского мятежа было объявлено осадное положение в городе) они нередко предоставлялись два раза в день — утром (11 часов) и вечером (19–22 часов). Как правило, сведения, содержащиеся в утренней сводке, не повторялись в сводке вечерней. В последней отмечалось лишь то, что произошло после предоставления утренней сводки. Когда же мы обнаруживаем в текстах обоих сводок близкие по содержанию и форме сообщения об одном и том же предприятии, то можно предположить, что это не повторение уже отмеченного прежде, а очередная фиксация того положения, которое осталось неизменным. В связи с этим особо нужно подчеркнуть, что близкие оценки одних и тех же предприятий в утренней и вечерних сводках являются обычно очень краткими (три-четыре слова), например, такими: «Все работают. Настроение спокойное». Когда же мы обнаруживаем в сводках более полные сведения, то становится ясным, что информация вечерних сводок — это информация новая, отличающаяся от предыдущих сообщений. В утренней сводке Василеостровской ревтройки 4 марта 1921 г.<sup>98</sup> [Док. 23] о Балтийском заводе сообщалось следующее: «Утром явилась 1/3 рабочих, но к работе не приступали. В настоящее время разошлись по домам. Требования те же, что и вчера. Группа застрельщиков призывает поддержать забастовку». В вечерней же сводке<sup>99</sup> [Док. 24] о положении на заводе говорилось предельно кратко: «Не работает». Иная обстановка в этот день наблюдалась на Финляндской верфи. Утром информаторы зафиксировали: «Работа протекает нормально. Настроение спокойно».<sup>100</sup> А вот сведения о той же верфи, помещенные уже в вечерней сводке: «Работали. Атмосфера сгущенная, наблюдается брожение среди рабочих под влиянием крикунов. К коммунистам относятся недоверчиво».<sup>101</sup>

<sup>98</sup> Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 34–34 об.

<sup>99</sup> Вечерняя политсводка ревтройки Василеостровского района 4 марта 1921 г. (Там же. Л. 33).

<sup>100</sup> Там же. Л. 34–34 об.

<sup>101</sup> Там же. Л. 33.

Вместе с тем необходимо отметить, что, за несколькими исключениями, утренние сводки все же менее подробны, чем вечерние. В последних идет речь уже об итогах дня и о том, чем определялся этот итог, а в первом — лишь о некоем исходном положении.<sup>102</sup> Соответственно этому, в утренних сводках нередко говорилось лишь о том, сколько людей вышло на работу, каков их настрой и какие требования они выдвигали, а в вечерних сводках рассказывалось не только об этих сюжетах, но и уточнялись подробности событий прошедшего дня.

Круг сведений, который интересовал составителей районных сводок, не всегда может быть точно определен. Низовые информаторы, от которых зависел составитель, постоянно останавливались на каких-то мелких деталях и незначительных происшествиях. В сводках, наряду с важными сведениями о действиях оппозиции и настроениях масс, можно встретить и такие сообщения: «Состоялся концерт», «предлагается танцулька».<sup>103</sup> Возникает ощущение, что информаторы фиксировали любые случаи ставших известных им публичных действий, безо всякого отбора и независимо от того, необходима ли эта информация для оценки обстановки или нет. Уже одно то, что составитель районных сводок помещал в них, следуя за низовыми информаторами, все те же малозначащие подробности, определенно говорит о том, что его правка низовых сообщений являлась не очень тщательной.

Прежде уже отмечалось, что составителей сводок в разных районах интересовал и разный круг вопросов. Были, конечно, и такие сюжеты, которые обязательно освещались всеми районными сводками. Сравним содержание сводок, составленных ревтрояками Васильевского острова и Петроградской стороны. Ввиду краткости василеостровских сводок интересующие их составителя вопросы можно определить с большей точностью. Так, в оперативной сводке Василеостровской ревтрояки 28 февраля 1921 г.<sup>104</sup> при освещении положения на пред-

---

<sup>102</sup> Сравним в связи с этим сообщения утренней и вечерней политсводок Василеостровской ревтрояки 5 марта 1921 г. О Трубочном заводе в утренней сводке говорилось так: «Все работают. Настроение спокойное» (Там же. Л. 35), но в вечерне: «Работало 915 человек. В настроении рабочих, кроме отдельных личностей, происходил большой перелом, чувствуется, что они пристыжены той ролью, которую они играли во всей этой вольнке. Были делегаты от беспартийных на заседании Петросовета, остались довольны этим заседанием» (Там же. Л. 36).

<sup>103</sup> См. сводку ревтрояки Петроградского района 1 марта 1921 г. (ЦГИ-АПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1226. Л. 26—26 об.).

<sup>104</sup> Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 23—23 об.

приятнях, обращалось внимание прежде всего на следующие вопросы: а) работает ли завод; б) каково настроение масс; в) были ли конфликты; г) какие передаются слухи. Тот же круг интересов обнаруживают и составители следующих сводок 1, 2 и 4 марта 1921 г.<sup>105</sup> Различие сводок — лишь в степени подробности, с которой описывается положение на различных фабриках и заводах. Отчасти, это, возможно, было связано и с размерами предприятий и их значением как стачечных центров — так, подробнее прочего описывается ситуация на Балтийском и Трубочном заводах. Естественно, каждое сообщение сопровождалось деталями, но это было вполне логичным, поскольку они имели непосредственное отношение к тем целям, которые ставил перед собой составитель: фиксировались число работающих, содержание слухов, степень интереса рабочих к оппозиционной агитации и т. д. С каждым днем марта 1921 г. сводки Василеостровской ревтройки становились все более краткими: обычно тогда сообщались сведения о 5–6 предприятиях. Не очень понятно, почему не передается информация о других фабриках и заводах, не менее крупных и столь же известных стачечными традициями. Можно только предположить, что такой отбор не вызван сложностью положения на этих 5–6 предприятиях: почти на всех из них зафиксировано «спокойствие». Возможно, составитель компилировал мало чем примечательные сообщения лишь о тех предприятиях, которые он считал потенциальными очагами забастовок, либо просто довольствовался только сведениями, которые по инерции передавались ему некоторыми информаторами. Характерно, что эти тенденции не изменились и тогда, когда начался Кронштадтский мятеж, что вызвало интенсивный сбор информации различными структурами. Об отношении рабочих к восстанию в василеостровских сводках говорится крайне редко, но инерционно воспроизводится все та же прежняя схема отбора сведений: о том, кто работает и о том, каковы настроения масс.

Сводки Петроградской ревтройки куда более подробны. Основные сюжеты, которые интересуют их составителя, следующие: а) работает ли предприятие и сколько человек на нем работают; б) какие передаются слухи; в) каково отношение масс к коллективам РКП(б), завкомам и какова оценка деятельности последних; г) общее настроение рабочих и, в частности, настрое-

---

<sup>105</sup> Там же. Л. 26, 27, 34–34 об.

ние молодежи, отношение их к забастовкам. В сводках также часто отмечается наличие охраны на предприятиях и приводится ряд дополнительных сведений: о возможности прекращения забастовок на предприятиях, об общих собраниях, о тех действиях, которые могут, с точки зрения информаторов, осложнить положение в районе. Такая схема сбора сведений весьма близка к анкетному вопроснику, о котором говорилось выше и, возможно, составитель записывал именно то, что хотел узнать. Но как раз петроградские районные сводки и содержат обилие тех деталей, выявление которых не предусматривалось никакими анкетными образцами. Сообщенные, несомненно, низовыми информаторами, они, благодаря небрежности составителей, перекочевали впоследствии не только в районные, но и в городские сводки, составляемые штабом внутренней обороны Петрограда. Именно в последнем виде сводок мы в основном имеем дело даже не с минимальной обработкой, но лишь с компиляцией поступавших из районов информации — без изменения не только стиля и содержания текста, но даже и самой его буквы.

Сводки Штаба внутренней обороны (ШВО) Петрограда обычно составлялись с начала марта 1921 г. два раза в день: к 11 часам и к 22 часам. Даже тогда, когда мы не можем сравнить составленные в один день сводки ШВО и ревтроек разных районов, мы уже ощущаем зависимость «главной» сводки от районных сообщений. Так, в тех частях политсводки ШВО 7 марта 1921 г.,<sup>106</sup> где говорилось о положении в Петроградском районе, обязательно приводились сведения о наличии охраны на предприятиях и отношении рабочих к фабрично-заводским комитетам, которые часто отсутствовали в сводках ревтроек других районов. Редакция районных сообщений в сводке ШВО — минимальная. Два сообщения о Трубочном заводе, переданные утренней сводкой Василеостровской ревтроек 17 марта 1921 г.<sup>107</sup> («Работают. Требовали освобождения арестованных. подадут список») и вечерней сводкой Василеостровской ревтроек за тот же день<sup>108</sup> [Док. 28] («Требуем освобождения арестованных. Работали все мастерские») получили такое отражение в сводке ШВО, составленной к вечеру 17 марта 1921 г.<sup>109</sup> [Док. 29]: «Требуем освобождения арестованных, но работу не бросают». Если составитель ва-

<sup>106</sup> Там же. Л. 155—155 об.

<sup>107</sup> Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 79.

<sup>108</sup> Там же. Л. 77.

<sup>109</sup> Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 162.

силеостровской сводки приводит только ряд разрозненных, почти не связанных между собой фактов, то составитель сводки ШВО посредством малозаметной перекомпоновки пытается исподволь приписать трубочникам некую лояльность: несмотря на аресты, они все же работают. Но прямо об этом составитель сводки ШВО не говорит, и не очень ясно, действительно ли он хотел оттенить лояльность или такой эффект, возникший вследствие незначительного изменения синтаксической конструкции, не был им предугадан. Заметим лишь, что в других случаях и такой поверхностной правки нет и составитель сводки ШВО, не обращая внимания на стиль районного сообщения, почти целиком помещает его в подготовленных им документах. В этом мы можем убедиться, сравнив вечерние сводки Василеостровской ревтройки<sup>110</sup> и штаба внутренней обороны Петрограда<sup>111</sup> [Док. 28] за 17 марта. В василеостровской сводке встречаем следующую запись о положении на ряде предприятий района: «Балтийский завод. Утром, в связи с обстрелом Кронштадта, воынили механическая и судостроительные мастерские, но потом приступили к работе. Остальные мастерские работали. Кабельный завод. Часов в 11 снялся с работы. Все разошлись по домам». Составитель же сводки ШВО [Док. 29] так «обработал» это донесение: «Василеостровский район. В связи с обстрелом Кронштадта воынили механическая и судостроит[ельные] мастерские, но потом приступили к работе. Кабельный завод. В 11 ч. снялся с работы и все разошлись по домам». В сводке ШВО, как видим, составитель убрал лишь одну незначительную деталь и чуть изменил синтаксис (правда, возможно в спешке не указав на Балтийский завод). Но при этом он без изменений перенес из районной сводки в сводку ШВО не только отдельные слова, но и целые предложения.<sup>112</sup>

<sup>110</sup> Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 77.

<sup>111</sup> Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 162.

<sup>112</sup> Сравним, например, сообщения сводки ревтройки 1-го Городского района 18 марта 1921 г.: «В виду праздничного дня приступили к работе лишь электрические станции и типографии. Настроены рабочие вполне сочувственно к нашим победам в Кронштадте. Весть об освобождении т. Кузьмина была встречена на 14-ой Государственной типографии криками радости. Тотчас же была отправлена к нему делегация в Кронштадт» (Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 43) и сводки штаба внутренней обороны Петрограда 18 марта 1921 г.: «1-й Гор[одской] район. Ввиду праздничного дня приступили к работе лишь электрическая станция и типография. Настроение сочувственное нашим победам. На 14 гос[ударственной] типографии признаки радости. Тотчас же была отправлена делегация в Кронштадт» (Там же. Л. 1630). как видим, изложение в сводке ШВО немного сокращено (ввиду чего текст местами становится неясным), но не переработано.

Наиболее яркий образец «заимствования», не осложненного дальнейшей переработкой текста, представляет вечерняя сводка ШВО 19 марта 1921 г.<sup>113</sup> [Док. 30] Вот что сообщалось здесь о 1-м Городском районе: «Настроение рабочих с получением известий о взятии Кронштадта сильно поднялось. Газеты разбираются нарасхват и читаются с неподдельной радостью. На 3[-й] электрической станции и строительном заводе все рады счастливому концу и с гордостью говорят о героизме красных курсантов...<sup>114</sup> Обыватели и быв[шие] хозяйственники и сочувствующие им общего настроения изменить не могут». Источником для сводки, несомненно, послужило донесение, составленное ревтройкой 1-го Городского района<sup>115</sup> [Док. 31]: «Настроение рабочих в связи с известием о взятии Кронштадта сильно поднялось, газеты разбираются нарасхват и читаются с неподдельной радостью, как напр[имер], на 3-ей электрической станции, Строительном заводе. Все рады счастливому концу и с гордостью говорят о героизме красных курсантов... Противники советской власти, обыватели и бывшие хозяйственники стараются вселить сомнения и недоверчивость в рабочие массы, называют это уткой, пущенной коммунистами. Но эта агитация очень редко встречает сочувствие и общее настроение изменить не может».

Даже бегло сравнив эти два сообщения, можно утверждать, что составитель «главной» сводки не столько обработал присланный ему из района текст, сколько небрежно переписал его. Эта небрежность в ряде случаев приводит к неточности изложения, в чем нетрудно убедиться, сравнив помещенные в сводках донесения о 3-й электростанции и строительном заводе. Составитель сводки ШВО не обращает внимания на то, сколь заметно выделяется риторика сообщений о 1-м Городском районе от содержащихся здесь же сведений о положении в других районах — монотонных, сдержанных, без художественных деталей: «2-й Городской район. В районе все спокойно, без перемен... Московско-Заставский район: День в районе прошел спокойно. Все фабрики работают... В остальных районах спокойно, без перемен».<sup>116</sup> Более того, он еще и усиливает эту риторику, убирая

<sup>113</sup> Там же. Л. 161.

<sup>114</sup> Красные курсанты штурмовали Кронштадт.

<sup>115</sup> Политсводка ревтройки 1-го Городского района 19 марта 1921 г. (ЦГА-ИПД. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 54 об.).

<sup>116</sup> Там же. Л. 161.

из сообщений о 1-м Городском районе осторожно-скептические оценки отношения масс к Кронштадту.

Сводки имеют разную концентрацию сведений о политических настроениях масс. В очень кратких василеостровских сводках, например, основное внимание уделяется тому, работали ли предприятия, в чем суть конфликтов, имеется ли агитация. Но о настроениях людей почти ничего не говорится и приходится по вторичным проявлениям — действиям масс — реконструировать первичное: их политическую психологию. Там, где информатору предстоит дать оценки настроений масс, он обычно использует только одно слово: «спокойное»<sup>117</sup>, «колеблющееся»<sup>118</sup>, «удовлетворительное»<sup>119</sup>. Есть еще менее четкое определение настроения: «среднее».<sup>120</sup> Иногда мы узнаем, что «настроение улучшается»<sup>121</sup> и, только приняв во внимание логику и стереотипы мышления информатора, можно догадаться, что здесь имеется в виду. Сводки других ревтроек более подробны, но их полнота во многом определяется массой случайно попавших в текст малозначительных деталей, которые составитель райсводок в ряде случаев пересказывает со слов низовых информаторов с чрезмерной педантичностью. Но о настроениях людей мы находим не больше сведений, чем в василеостровских райсводках. Составитель Петроградской райсводки, например, либо дает краткую, заключающую иногда в одном слове оценку настроения (так, он пользуется определением «хорошее», «бодрое»<sup>122</sup>), либо ограничивается чем-то неопределенным, никак не расшифровывая свои сообщения: «О ... событиях идут разговоры»<sup>123</sup>, «идут толки о положении», «толкуют о прошедших событиях»<sup>124</sup>.

<sup>117</sup> Сводка ревтройки Василеостровского района 2 марта 1921 г. (Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 27).

<sup>118</sup> Политсводка ревтройки Василеостровского района 4 марта 1921 г. (Там же. Л. 33).

<sup>119</sup> Политсводка ревтройки Василеостровского района 7 марта 1921 г. (Там же. Л. 41).

<sup>120</sup> Политсводка ревтройки Василеостровского района 1 марта 1921 г. (Там же. Л. 26).

<sup>121</sup> Политсводка ревтройки Василеостровского района 5 марта 1921 г. (Там же. Л. 29).

<sup>122</sup> См. сводку информационного отдела при Петроградской ревтройке 9 марта 1921 г. (Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1226. Л. 2—2 об.).

<sup>123</sup> Бюллетень информационного отдела при ревтройке Петроградского района 5 марта 1921 г. (Там же. Л. 17—17 об.).

<sup>124</sup> Бюллетень ревтройки Петроградского района 28 февраля 1921 г. (Там же. Л. 29—29 об.).

Сводки во многих случаях отмечают отношение рабочих к советской власти (как правило, оно положительное), но почти никогда эти оценки не получают подробной мотивации. А последняя необходима и для проверки обоснованности выводов информатора и для выявления механики быстрых перепадов массовых политических настроений. Там, где мы все же обнаруживаем мотивировки, становятся очевидными элементарность поводов для политических оценок и примитивность причин их изменения. Типичные примеры - сводки Штаба внутренней обороны Петрограда 7 марта 1921 г.<sup>125</sup> («есть рабочие, недовольные советской властью, тем, что мало получают хлеба») и 14 марта 1921 г.<sup>126</sup> («В связи с выдачей сапог и платья, а также перевыборов фабкома отмечается полное сочувствие Советской власти»). Эта реакция рабочих скорее не политическая, а бытовая. Успокоению масс информаторы немедленно приписывали политическую направленность — и не случайно, поскольку рассматривали их поведение в контексте политической междоусобицы; к тому же в условиях государственной монополии в промышленности и экономический выпад мог представляться как антигосударственный. Косвенные оценки власти (обычные из них: нет слухов, никто не ведет агитацию) столь же неотчетливы и также лишь отчасти могут быть сочтены политическими. В той информации сводок, «приземленность» которой уже приходилось прежде отмечать, какие-то общие оценки советской власти выглядели не очень органично и представлялись даже нарочито риторическими. Составители предпочитают более осторожно говорить лишь о преобладающем настроении масс, во многих случаях не уточняя, идет ли речь о политике или дело ограничивается исключительно бытовыми проблемами. Иногда для выявления степени политической оппозиционности масс приходится обращать внимание на мотивацию того сценария действий, который предлагает информатор, считает его наиболее оптимальным. «Негодный элемент есть, но его необходимо оставить иначе возбуждает всю массу и повлечет последствия» — сообщалось в сводке информационного отдела при Петроградской ревтройке 9 марта 1921 г.<sup>127</sup> Для

<sup>125</sup> Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 155—155 об.

<sup>126</sup> Там же. Л. 168—168 об.

<sup>127</sup> Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1226. Л. 2—2 об.

нас здесь ожидание волнений рабочих, подверженных влиянию оппозиционеров, не менее ценны для анализа политико-психологической ситуации, чем информация о наличии самой оппозиции на предприятии.

Предоставление сведений об отношении рабочих к Коммунистической партии, возможно, особо инициировалось районными ревтрояками. Это можно видеть и в анкетах, рассылаемых по предприятиям и в повторяемости в сводках одних и тех же сюжетов (наличие охраны, отношение к коммунистам, общее настроение, выход на работу), в чем нетрудно усмотреть целенаправленный отбор информации. В любом случае информатора прежде всего интересуют взаимоотношения рабочих и местного коллектива РКП(б): не исключено, что эти сведения были важны для поиска инструментов стабилизации обстановки на предприятии. Оценки компартии в целом и уж тем более коммунистических теорий крайне редки и почти всегда неконкретны. Иногда в сводках прямо говорится о том, пользуются ли коммунисты авторитетом или нет, но без уточняющих мотивировок.<sup>128</sup> Последние, как правило, отсутствуют и тогда, когда отмечается общее «отношение к коммунистам» — эта формулировка наиболее часто используется в сводках. Конечно, расплывчатость такого определения не позволяет в ряде случаев уточнить, имеет ли в виду рабочий политику партии в целом или только оценивает поведение местных коммунистов, и вообще, дифференцирует ли он их, или по поступкам одного судит о действиях всех. Но в большинстве сводок все же отмечена оценка именно партячеек и нередко их деятельность являлась для многих рабочих основным мериллом оценки партии.

Осведомление о том, как рабочие относятся к коммунистам, по вполне понятным причинам было для информаторов делом трудным. «Рабочие собираются группами и ведут разговоры, но при приближении кого-нибудь из членов РКП смолкают и расходятся» — сообщалось в сводке информационного отдела при ревтрояке Петроградского района 8 марта 1921 г.<sup>129</sup> — своеобразной двойной иллюстрацией: и того, как рабочие оценивали коммунистов, и того, насколько сложен был сбор сведений. Нельзя исключить, что такая же ситуация не возникала и на других пред-

---

<sup>128</sup> См., например, Бюллетень ревтрояки Петроградского района 28 февраля 1921 г. (Там же. Л. 29—29 об.).

<sup>129</sup> Там же. Л. 7—7 об.

приятнях: есть и прямые свидетельства. Обращает также на себя внимание аморфность и неотчетливость сообщений по данному вопросу, что косвенно указывает на их приблизительность. Эта неотчетливость в каких-то случаях являлась источником двойственности донесений информаторов. «Вражды к Коммунистической партии нет» — отмечалось в политсводке Штаба внутренней обороны Петрограда 9 марта 1921 г.<sup>130</sup> о положении на фабрике «Скорород», однако этому предшествовала другая фраза, обнаруживающая специфику мотивационных интерпретаций информатора: «Масса пассивна и склонна примириться». Соседство этих двух сообщений возможно выявляет не только их стилистическую, но и причинно-следственную связь. Во всяком случае их зависимость несомненна, а следующая фраза: «Положение выжидательное» дает дополнительные штрихи к донесениям о лояльности рабочих. О «безразличном» отношении рабочих к коммунистам сообщается в той же сводке, когда речь заходит о положении на 1-м хлебозаводе — но зная уже о случаях «конспирации» на предприятиях, это донесение представляется в несколько ином свете и не может быть воспринято однозначно.

Иногда подоплеку негативного отношения рабочих к коммунистам определить сложно, поскольку их публичные мотивировки либо имеют формальный характер, либо их трудно принять без разъясняющих оговорок. В политсводке штаба внутренней обороны Петрограда 7 марта 1921 г.<sup>131</sup> содержатся сведения о том, что во время выборов делегата на профессиональную конференцию швейников на 2-й фабрике производства одежды «коммуниста не пожелали провести даже в кандидаты». Поводом было то, что созывалась конференция беспартийных. Но и информатор рядом намеков сомневался в подлинности мотивации, и историку трудно согласиться с ней, зная, как часто обходили тогда формальности на всевозможных выборах — от Советов до фабзавкомов, — как безапелляционно выдвигался список коммунистов и как единогласно он утверждался. Отклонение кандидатуры коммуниста в этих условиях свидетельствовал не о стремлении строго соблюдать регламент, а, несомненно, о политическом или социальном конфликте на предприятии, причем конфликте довольно ожесточенном, иначе бы он не принял антикоммунистическое «обличье».

<sup>130</sup> Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 152—152 об.

<sup>131</sup> Там же. Л. 155—155 об.

«Недовольство тем, что коммунисты церемонятся с Кронштадтом» было зафиксировано 14 марта 1921 г.<sup>132</sup> на Александровском заводе. Если принять сообщение без оговорок, то кажется, что никакой оппозиционности это порицание коммунистам не содержит: оно выглядит как вполне ортодоксальная критика «слева». Но нельзя, во-первых, не отметить, что Александровский завод небесспорно и тогда и даже позднее (когда здесь вспыхивали стачки и рабочие протестовали против суда над эсерами) считался оплотом социалистов и потому едва ли пресловутое «недовольство» могло охватить всех работающих здесь. Во-вторых, недовольство Кронштадтом не всегда означало политическую реакцию: были недовольны осадным положением и связанными с этим стеснениями, опасались возможных мобилизаций, обстрелов, обысков, арестов, продовольственных и топливных затруднений. В-третьих, неприязнь к матросам, как это ни парадоксально, отчасти являлась и знаком оппозиционности. Во многом она была вызвана «революционными» эксцессами кронштадтцев, их участием в подавлении рабочих выступлений в прошлые годы. Пьянство, разгул, заносчивость и высокомерие «клевашников», ощущавших себя хозяевами города и весьма безбедно живших на фоне всеобщей нищеты и голода, были еще одним источником раздражения горожан. В их откликах заметно, что объектом нападок стала сама личность матроса, а не его политические взгляды.

Петроградцы не были одинаковы в своих оценках Кронштадтского восстания. Основная их часть отнеслась к этим событиям безразлично, «пассивно», как сообщают многие информаторы. Здесь, конечно, нельзя исключить и мимикрию («прокронштадтские» разговоры преследовались), но в целом политическая индифферентность горожан не была новостью ни во время революции, ни в эпоху «военного коммунизма», ни в годы НЭПа. В тех же случаях, когда информатор говорил об отрицательном отношении рабочих к мятежу, политические аспекты таких оценок можно уловить не всегда. Не касаясь тех случаев, когда оценки вообще не мотивированы (а это бывает довольно часто), отметим наиболее часто сообщаемые информаторами причины неприязни рабочих к восставшим. Одно из главных их обвинений было вызвано фаль-

---

<sup>132</sup> Политсводка Штаба внутренней обороны Петрограда 14 марта 1921 г.: Там же. Л. 168—168 об.

сификацией сведений о Кронштадте в официозной прессе: утверждалось, что цель мятежа — восстановление монархии, а руководит им бывший царский генерал. Отсюда и негативные отклики в низах: «Говорят, что в Кронштадте встали не рабочие, а капиталисты<sup>133</sup>, «многие говорят, что как не было генерала, еще было ничего, но как только появляются на сцене генералы, то рабочие не могут быть за них».<sup>134</sup> Примечательнее всего в этих зафиксированных сводках высказываниях оговорки о руководителях восстания: возникает ощущение, что если бы они были другими, не был бы столь очевидным и антикронштадтский настрой масс. Отчасти поводом для осуждения восставших были опасения новой войны, тревога за будущее свое и своих близких — ни о какой политике в этом случае не говорили. Была, наконец, и уже отмеченная неприязнь голодных людей к людям сытым, усиленная теми уравнительными настроениями, которые являлись привычными для многих горожан: «были одеты обуты лучше других, а теперь натворили»<sup>135</sup>, «чего им не достает».<sup>136</sup>

Сведения о симпатиях рабочих к кронштадтцам крайне ненадежны и это не случайно, учитывая те репрессии, которые влекла за собой публичная поддержка Кронштадта. Можно выявить несколько типов прокронштадтских настроений, как они зафиксированы в сводках: «сдержанность», «выжидание», «скептицизм». Собственно, подлинной симпатией к кронштадтцам это назвать трудно. Здесь к тому же очень сложно определить, имеем ли мы дело с реакцией масс только на кронштадтские события, или Кронштадт был лишь поводом для того, чтобы ярче обозначились общие элементы политической психологии рабочих: их отношение к коммунистам, их оценка устойчивости власти, их восприятие политических и экономических коллизий в России. Когда информаторы рассказывали о «кронштадтских» настроениях, они почти никогда не обосновывали свои выводы. Но уже по характерной невнятице сведений о «кронштадтских» разговорах в низах, по их аморфности и краткости (сообщения

<sup>133</sup> Политсводка Штаба внутренней обороны Петрограда 9 марта 1921 г.: Там же. Л. 152—152 об.

<sup>134</sup> Политсводка Штаба внутренней обороны Петрограда 7 марта 1921 г.: Там же. Л. 155—155 об.

<sup>135</sup> Политсводка ревтройки 1-го Городского района 11 марта 1921 г.: Там же. Л. 55.

<sup>136</sup> Политсводка ревтройки 1-го Городского района 9 марта 1921 г.: Там же. Л. 57.

сопровождаются примерами крайне редко), можно предположить, что именно три отмеченные выше типа антикронштадских настроений в эти дни являлись для составителей сводок главными ориентирами того, как оценивать взгляды горожан на Кронштадтское восстание.

Стиль районных сводок характеризуется краткостью (можно даже говорить о своеобразном «телеграфном» стиле») и унификацией записей, фиксирующих, казалось бы, различные события. В сводке Василеостровской ревтройки 28 февраля 1921 г.<sup>137</sup> многообразии ситуаций, как правило, «подгоняется» под повторяющийся набор однотипных клише: «приступили к работе», «все работают», «завод работает», «настроение спокойное», «настроение хорошее». Низовые сводки менее односложны — но там, где они следуют анкетной схеме, унификация донесений обнаруживается весьма отчетливо. Риторики в сводках почти нет (отмеченное выше донесение ревтройки 1-го Городского района 18 марта 1921 г. едва ли не единственное исключение), есть только отдельные риторические термины, почти не искажающие содержание сводок. В ряде сообщений можно обнаружить канцелярские формулы, встречаются и примеры неправильного словоупотребления.<sup>138</sup> Последнее нередко приводит к неясности текста: «ждут улучшения со стороны Кронштадта»,<sup>139</sup> «авторитет коллектива начинает сказываться пассивно».<sup>140</sup> В этом случае расшифровка содержания возможна, если соотнести сведения, сообщаемые информаторами, с другими сводками и посредством анализа контекста однотипных клише четко обозначить варианты их применения.

Как уже отмечалось, сводки зачастую фрагментарно освещали события, происходившие на предприятиях. Редуцирующие редакции текста осуществлялись обычно на районном уровне, но и в тех донесениях, которые составлялись низовыми инстанциями, также допускался целенаправленный отбор сведений. Особенно это заметно в «анкетных» сообщениях. Так, отвечая на «анкетные» пункты, информатор зачастую об-

<sup>137</sup> ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 23–23 об.

<sup>138</sup> См. политсводку Штаба внутренней обороны Петрограда 7–8 марта 1921 г.: «констатируется инициатива организаторов волынок» (Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 159–159 об.).

<sup>139</sup> Политсводка ревтройки 1-го Городского района 9 марта 1921 г.: Там же. Л. 57.

<sup>140</sup> Сводка Штаба внутренней обороны Петрограда 7–8 марта 1921 г.: Там же. Л. 159–159 об.

ходится лишь краткой формулой, иногда похожей на «отписку» и далеко не исчерпывающей существо дела. Составитель сводки завода Осипова 1 марта 1921 г.,<sup>141</sup> отвечая на вопрос: «Как ведут себя члены Союза молодежи», ограничился лишь репликой: «Члены Союза молодежи напевают частушки о бочке и Советской власти» — но едва ли можно допустить, чтобы это было единственным, чем занимались молодые рабочие. Своеобразной оборотной стороной фрагментарности стало помещение в тексты множества мелких деталей, иногда просто случайно обративших на себя внимание информаторов и не связанных с основным содержанием сводок. В ряде случаев это было неизбежно. Детали — необходимый элемент объяснения поступков рабочих, а поскольку код развития каждого выступления на предприятиях был особым, и в каждом из них специфично проявлялись те или иные обстоятельства, то и возникала масса не поддающихся какой-либо унификации или систематизации подробностей.

Говоря о достоверности сводок, надо отметить, что проверке прежде всего поддаются районные и, разумеется, компилирующие их главные городские сводки — посредством сверения их с низовыми сообщениями. Открытого и грубого искажения их содержания составитель райсводок обычно не допускает, но при его редакторской обработке из текста могут ускользнуть важные подробности. В сводке коллектива РКП(б) Финляндской верфи 7 марта 1921 г.<sup>142</sup> так говорилось о положении на предприятии: «Настроение рабочих — спокойное. Волнующие вопросы рабочих — вопрос снабжения. Какие возгласы бывают: недовольство волокитой в учреждениях, с которыми имеют дело». Представитель же районной ревтройки, помещая это сообщение в своей сводке,<sup>143</sup> дает ему такое оформление: «Настроение на заводе почти спокойное, волнующие вопросы о продовольствии». В целом это изложение точно, но все же подмена здесь ощутима. Снизив категоричность оценки настроения (не «спокойное», а «почти спокойное») — действительно, она в своем первоначальном виде не очень то соответствовала переданным низовым информатором деталям — составитель вместе с тем счел возможным затем убрать эти пресловутые «детали» и

<sup>141</sup> Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 315. Л. 65.

<sup>142</sup> Там же. Л. 172 об.

<sup>143</sup> Политсводка ревтройки Василеостровского района 7 марта 1921 г.: Там же. Л. 41.

получилось, будто все выступления рабочих определяются исключительно продовольственным вопросом.

Фиксация событий в сводках не обязательно могла быть продиктована их значимостью. Иногда здесь проявлялось только усердие низового информатора. Чем дотошнее он регистрировал события, тем сумбурнее оказывалось его изложение. Он и в донесениях, составленных по анкетной схеме, не всегда отделял главные события от второстепенных. Там же, где он не испытывал на себе дисциплинирующего влияния директивных инструкций, в его писательской манере все ярче проявлялись приемы летописца — в большей степени рассказчика, чем интерпретатора. Побуждаемый к описанию происшествий, но не находя их, он, однако, не прекращает своего изложения, но инерционно продолжает его, безо всякого разбора и определенных побуждений сообщая здесь уже любые подробности: кажется, что для него важен сам рассказ как таковой, а не его цель.